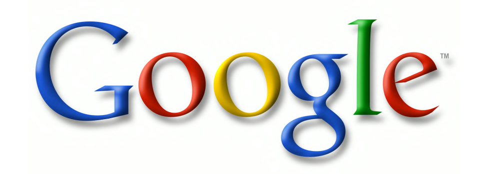
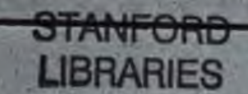

Matériaux inédits pour la biographie. Tome VIII.

Новые матеріалы по біографіи россійскихъ коронованныхъ особъ, составленные на основаніи заграничныхъ документовъ.

Томъ VIII.

ПАВЕЛЪ I.

Его семейная жизнь, фавориты и убійство.

Ф. В. КАРАТОВА.

Лондонъ.
1903.

[redacted]

iaux inédits pour la biographie. Tome VIII.

Новые матеріалы по біографіи россійскихъ
юнованныхъ особъ, составленные на основаніи
заграничныхъ документовъ.

Томъ VIII.

ПАВЕЛЪ I.

семейная жизнь, фавориты и убійство.

Ф. В. КАРАТОВА.

Лондонъ.
1908.

Printed in Germany

[redacted]

Введеніе.

Романовы вступили на русскій престолъ въ 1613 г. — Это былъ молодой, здоровый родъ, который при нормальныхъ обстоятелствахъ и при болѣе или менѣе правильномъ образѣ жизни долженъ былъ бы оставаться на тронѣ многія столѣтія, но уже въ началѣ XVIII вѣка, т. е. не болѣе какъ черезъ сто лѣтъ — мужской родъ Романовыхъ вымираетъ, и въ настоящее время Россійскій царствующій домъ, оффиціальное ведущій свой родъ отъ Романовыхъ, имѣетъ въ своей крови много нѣмецкой, немало простой солдатской, лакейской и всякой другой подобной крови, но почти ни капли чистой Романовской. Какая причина столь страннаго и безотраднаго явленія?

Виной всему этому — прославленный Петръ I, т. н. Великій. Этотъ дикарь, ознакомившись съ западно — европейской цивилизаціей и часто бывавшій заграницей, вынесъ отсюда лишь высокое представленіе о деспотизмѣ и распущенности нравовъ. И то и другое — онъ перенесъ на русскую почву. Деспотизмъ достигъ своего апогея въ указѣ Петра отъ 5 Февраля 1722 г., коимъ „волѣ царствующаго монарха предоставляется по усмотрѣнію назначать себѣ преемника, а также въ случаѣ надобности и отмѣнять таковое назначеніе“.

А распущенность нравовъ дошла до того, что дворцы превратились въ настоящія бордели, царицы пьянствовали съ солдатами, каммердинерами и т. под. сбродомъ по цѣлымъ ночамъ, цари открыто жили со своими любовницами, а любовница Павла I Нелидова была даже въ тѣсныхъ дружескихъ сношеніяхъ съ его законной женой, императрицей Маріей Павловной, царицы держали себѣ оффиціальныхъ любовниковъ, и при дворѣ было придумано особое званіе „пробирщицъ", т. е. женщинъ, на обязанности коихъ лежало испытать мужеспособность будущихъ царицыныхъ любовниковъ, — а незаконнорожденныя дѣти и убійства стояли на очереди какъ въ самомъ обществѣ, такъ и въ царскихъ салонахъ.

Петръ I скончался, не успѣвъ назначить себѣ преемника, его законный наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Петровичъ умеръ насильственной смертью отъ руки палачей, подосланныхъ Петромъ, и его деспотическому закону о престолонаслѣдіи суждено было вызвать въ Россіи такую массу безурядицъ, наглаго безстыдства и пошлаго разврата въ теченіи всего 18аго столѣтія, что только столь здоровый, молодой и наивный русскій народъ могъ перенести весь этотъ цинизмъ и не возмутиться противъ онаго всеобщимъ возстаніемъ. Къ стастью для Россіи, сумашедшій Павелъ въ одинъ изъ своихъ свѣтлыхъ моментовъ поспѣшилъ въ 1797 году измѣнить произвольное престолонаслѣдіе и укрѣпить такимъ образомъ основы русскаго государства.

[redacted]

1.

Павелъ I.

Iавелъ I является родоначальникомъ новой :кой династiи — династiи Павловичей. По годъ въ Россiи царствовами его непосредзные преемники: Александръ и Николай повичи, а нынѣ царствующiй Николай II ье, чѣмъ кто либо изъ его предшественниковъ, ой портретъ своего прадѣда.

Iавелъ I родился $\frac{\text{20 Сентября}}{\text{1 Октября}}$ 1754 года. Кто ъ его отцомъ, трудно сказать. При извѣстной бчивости и половой раздражительности Екатеы II никто не можетъ поручиться за то, что жила съ однимъ мущиной. Правда, ея главмъ любовникомъ за время беременности пеъ рожденiемъ Павла былъ камергеръ ея мужа, ргѣй Салтыковъ, но не можетъ подлежать інѣнiю, что подъ влiянiемъ Царицы Елизаы Петровны и окружавшихъ Петра III царерцевъ и Петръ III находился въ интимныхъ шенiяхъ съ своей женой. Петръ III видимо ть не совсѣмъ безплоденъ, ибо до рожденiя вла, Екатерина два раза не донесла плода и цила преждевременно.

Екатерина вполнѣ справедливо опасалась, что преждевременные роды могутъ навести ея говъ изъ придворныхъ Петра на мысль устраь ее отъ трона и подъучить дурковатаго

Петра III жениться на одной изъ его возлюбл
ныхъ. Вѣдь два дня спустя послѣ знакомст
со своей невѣстой, Петръ безъ всякой застѣнч
вости заявилъ ей, что онъ обручился съ н
только уступая просьбамъ своей тетки-импер
трицы, но что онъ на самомъ дѣлѣ влюбленъ
фрейлину Лопухину, на которой собственно
намѣревался жениться, а двѣ недѣли послѣ свад
бы онъ беззастѣнчиво заявляетъ своей женѣ, ч
фрейлина Карръ куда какъ красивѣе Екатери
и что онъ поэтому влюбленъ въ нее. Впослѣ
ствіи Петръ считалъ необходимымъ даже щ
голять своими супружескими невѣрностями.

Такъ, достовѣрно извѣстно, что онъ зачасту
приходилъ совершенно пьяный въ спальню Ек
терины и еле стоя на ногахъ будилъ ее толь
для того, чтобы сообщить ей о какихъ либо н
выхъ своихъ похожденіяхъ, о преимуществахъ
красотѣ той или другой своей новой фаворит
и разстроивъ и отколотивъ свою жену, ложил
преспокойно въ свою кровать и моменталь
засыпалъ въ самомъ игривомъ настроеніи ду
Французскій посланникъ Breteuil доноситъ в
1762 г. своему двору, что Петръ III, будучи н
слѣдникомъ, прямо таки угрожалъ Екатерин
что онъ поступитъ съ нею, какъ Петръ I с
своей женой, т. е. пострижетъ и упрячетъ ее.

Екатерина, такимъ образомъ, должна бы
серьезно опасаться за свою шкуру, а что на н
зло могло обрушиться чрезъ это несчастное ст
ченіе обстоятельствъ, видно изъ указа Елизавет
напечатаннаго въ знаменитомъ сочиненіи Биль
басова: „Исторія Екатерины II". Указъ этот
гласитъ: „Великая княгиня, которую мы пр
звали быть достойной супругой нашего возлю
бленнаго племянника великаго князя наслѣдни

цесаревича Петра Федоровича, осчастливлена этою нашей царскою щедротой только въ видахъ того, что ея высочество съумѣетъ повліять своимъ умомъ и высокими душевными качествами на его императорское высочество и привяжетъ тѣмъ къ себѣ сердце августѣйшаго супруга своего, дорогому намъ отечеству подаритъ православнаго наслѣдника, нашему же Императорскому дому достойнаго преемника. Но такъ какъ сіе возможно лишь въ томъ случаѣ, если бракъ ихъ высочествъ покоится на основахъ взаимной искренней любви и супружескаго согласія, и для этого ея высочеству необходимо проявлять полное подчиненіе характеру ея супруга, то и надѣемся мы, что великая княгиня сознаетъ, что отъ этого зависитъ ея же счастіе и благополучіе и, слѣдуя этому сознанію, проявитъ всевозможныя любезности и старанія для достиженія этой высокой цѣли."

Поистинѣ удивительный документъ, въ высшей степени характерный для русскихъ придворныхъ нравовъ минувшаго столѣтія!

Итакъ, Екатеринѣ было довольно ясно сказано, что ея же счастіе и благополучіе зависятъ отъ рожденія великаго князя, православнаго наслѣдника. Но какъ быть? Какъ родить, когда мужъ ея не живетъ съ нею, венерически боленъ и по всей вѣроятности начинаетъ страдать полной импотенціей? Нужно было позаботиться о замѣстителѣ, распустить слухъ объ импотенціи Петра, якобы излечить его и такимъ образомъ по рожденіи сына увѣрить его, что новорожденный его кровь и плоть.

Вслѣдствіе вышеупомянутаго указа Екатерина стала бдительнѣе и внимательнѣе къ своему мужу, она старалась доказать, что не она виновна

[redacted]

въ бездѣтности ея брака, и прямо заявляетъ, что „если бы онъ хотѣлъ быть любимымъ, для нея это не представляло бы особаго труда“, но Петръ остается по прежнему равнодушнымъ къ своей женѣ. Приставленная въ качествѣ надзирательницы къ Екатеринѣ госпожа Щоглокова, должна была доложить Императрицѣ Елизаветѣ, что безъ посторонней помощи могущественная Россія останется безъ наслѣдника. Елизавета стала опасаться за тронъ, зная, что умная и честолюбивая Цербстка слишкомъ вѣритъ въ свою звѣзду и не остановится ни предъ чѣмъ для достиженія своихъ цѣлей. Она поэтому сначала соглашается на хирургическую операцію ея преемника, якобы для устраненія его безплодности, — т. е. она поддается на явный обманъ, хотя она хорошо знаетъ, что Екатерина уже беременна отъ интимнаго сожительства съ камергеромъ Наслѣдника Цесаревича, Сергѣемъ Салтыковымъ. А затѣмъ она втайнѣ соглашается со связью ея племянницы съ Салтыковымъ, такъ какъ вся цѣль была дать Россіи законнаго наслѣдника.

Мы не должны поэтому удивляться тому, что она вполнѣ равнодушно выслушала докладъ своего канцлера Бестужева о предстоящемъ разрѣшеніи отъ бремени Екатерины, и когда Бестужевъ безъ всякихъ обиняковъ сталъ говорить о необходимости признать законность этого ребенка, такъ какъ этого требуетъ и государственная мудрость и опытность, и указывалъ на то, что, какъ Екатерина, такъ и замѣститель (? замѣстители) Петра скорѣе заслуживаютъ благодарность, нежели кару, такъ какъ они обезпечиваютъ монархіи въ грядущемъ строгій порядокъ въ престолонаслѣдіи, а это повлечетъ къ внутреннему миру, — Елизавета не стала вдаваться въ раз-

боръ этой маккіавелистической теоріи канцлера и 20 Сентября (1 Октября) 1754 г. съ большимъ торжествомъ праздновала рожденіе великаго князя Павла, родоначальника нынѣ царствующей династіи Павловичей. Одного отца у него во всякомъ случаѣ не было, и фамиліи самостоятельной новый родъ не имѣетъ; приходится назвать его именемъ его настоящаго основателя. —

О рожденіи Павла существуетъ въ Россіи еще и другое преданіе. Какъ мы ниже увидимъ, Екатеринѣ не показали младенца, а немедленно послѣ родовъ Елизавета унесла его въ свои покои, а роженницу оставили безъ всякаго присмотра. Отсюда и появилось преданіе о томъ, что рожденный младенецъ не былъ мальчикомъ, а дѣвочкой. По рожденіи дѣвочки, придворные унесли ее, а Елизавета, у которой на всякій случаї находился младенецъ мужскаго рода киргизскаго происхожденія въ запасѣ, объявила сего послѣдняго будущимъ преемникомъ престола.

Намъ, однако, кажется эта легенда весьма неправдоподобной. Вѣдь нужно было народу доказать только мужеспособность Петра III — больше ничего. Былъ ли этотъ плодъ Наслѣдника мужскаго или женскаго рода, это вѣдь было на первый разъ безразлично и не зачѣмъ было бы прибѣгать къ чужимъ дѣтямъ — и къ тому еще дѣтямъ столь низкаго происхожденія, — чтобы посадить ихъ на русскій тронъ.

Одинаково несправедливымъ кажется намъ мнѣніе многихъ изслѣдователей, что Павелъ I — прямой сынъ Салтыковыхъ и что нынѣ царствующая русская династія — династія Салтыкова. Характеръ Павла I, какъ мы ниже увидимъ, — настолько походитъ на характеръ Петра III, что по теоріи наслѣдственности въ Павлѣ должно

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] Муравьевъ. Его аресто- [illegible] Нико- [illegible] и при- [illegible] „Ты мой властелинъ? Ты [illegible]" — Императоръ до того разгнѣвался, что набросился на скованнаго по рукамъ и ногамъ Муравьева и сталъ его безпощадно бить кулаками и ногами. но Муравьевъ продолжалъ: „Трусъ! Ты и вся твоя порода не Романовы!" На Николая нашло настоящее изступленіе, и неизвѣстно, чѣмъ окончилось бы избіеніе Муравьева, если бы находившійся за ширмами генералъ Бенкендорфъ не поспѣшилъ унести его.

[redacted]

2.

Дѣтство и воспитаніе Павла I.

Дѣтство Павла прошло весьмо печально, а воспитаніе его было еще того хуже. Немедленно послѣ родовъ Елизаветта забрала его къ себѣ, такъ какъ, по ея мнѣнію, она имѣла гораздо болѣе правъ на него, чѣмъ его мать, ибо безъ ея согласія ему бы никогда не быть признаннымъ законнорожденнымъ. На Екатерину не обращали не только никакого вниманія, но обращеніе съ нею походило на полное отвращеніе. Ее оставили безъ всякаго присмотра въ постели и, какъ она сама утверждаетъ, она все время плакала и стонала, а въ городѣ и во всемъ государствѣ ликовали. И дѣйствительно, едва ли рожденіе какого либо иного европейскаго принца праздновалось болѣе шумно и продолжительно. Цѣлый годъ продолжались балы и маскарады, то при дворѣ, то на дому у высшихъ сановниковъ. Фаворитъ Елизаветы И. Шуваловъ устроилъ костюмированный балъ съ небывалой иллюминаціей; на этомъ балѣ маски мѣнялись, и онъ продолжался цѣлыхъ двое сутокъ . . .

И все это на счетъ бѣднаго, отягощеннаго народа! Поистинѣ терпѣливъ русскій народъ!

Итакъ, у Екатерины отняли ея ребенка, и она сама боялась просить его и спрашивать о немъ. Хитрая Екатерина хорошо понимала, что всякое заботливое вниманіе съ ея стороны къ сыну могло быть истолковано въ обратномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ недовѣрія ея къ Елизаветѣ. Только чрезъ 40 дней послѣ родовъ Екатеринѣ дали посмотрѣть, и то только вскользь на Павла.

Что же касается Петра, оффиціальнаго отца Павла, то онъ о своемъ сынѣ совершенно не заботился. Этотъ вѣчно пьяный и занятый играми со своими лакеями полуидіотъ не могъ возвыситься даже до маккіавелистической теоріи о династіи; его Россія лишь настолько интересовала, насколько она ему доставляла средства на его попойки и кутежи, а на самомъ дѣлѣ онъ предпочелъ бы жить въ своей Голштиніи капраломъ своего идеала, Фридриха II Прусскаго.

На Павла онъ перенесъ всю свою антипатію къ Екатеринѣ, конфисковалъ въ свою казну сумму въ 120 000 рублей, назначенную Императрицей Елизаветой для Павла, держалъ его, какъ и мать его, вдали отъ своего двора и имѣлъ въ виду лишить его права на престолъ.

Съ тѣмъ большей ревностью и тѣмъ большимъ вниманіемъ посвятила себя Павлу Императрица Елизавета. Тѣмъ, что она согласилась признать его законность, она пріобрѣла на него всѣ права и смотрѣла на него, какъ будто онъ былъ ея собственныя кровь и плоть. Ее притягивало къ Павлу его невинность, которой при ея дворѣ и съ фонаремъ въ рукахъ среди бѣла дня нельзя было найти, и она дрожала за всякое его движеніе.

Къ несчастью для Павла, эта любовь была лишь чисто — животная и отразилась на всемъ его тѣлосложеніи и здоровьи.

Сама Екатерина разсказываетъ, что Елизавета помѣстила Павла въ своихъ покояхъ и на каждый его крикъ немедленно сама появлялась. Павелъ былъ помѣщенъ въ очень теплой комнатѣ, лежалъ въ люлькѣ, обитой мѣхомъ черной лисицы, закутанный въ фланель, накрытый атласнымъ покрываломъ на ватѣ, а надъ этимъ по-

крываломъ въ свою очередь находилось другое розовое мѣховое и бархатное покрывало. Неудивительно, что Павелъ I подъ этимъ прикрытіемъ постоянно потѣлъ, — и эта странная заботливость отразилась на младенцѣ такъ, что онъ впослѣдствіи уже въ отроческомъ возрастѣ при малѣйшемъ вѣтрѣ простуживался и хворалъ.

Еще хуже было то, что его окружили многочисленными няньками и бабками, которыя извратили мальчика не телько физически, но и нравственно.

У семи нянекъ дитя безъ глазу, говоритъ русская пословица. Такъ и вышло съ воспитаніемъ Павла I. Это былъ болѣзненный, слабый мальчикъ, и если его физическое воспитаніе стояло ниже всякой критики, то его нравственное и умственное было совсѣмъ омерзительное.

6ти лѣтъ его уже взяли въ оперу, гдѣ давались французская трагедія „Митридатъ“ и балетъ, и шести лѣтъ онъ сидѣлъ за придворными обѣдами и принималъ иностранныхъ посланниковъ въ особыхъ аудіенціяхъ!

Но ужасомъ преисполняется душа всякаго русскаго патріота при извѣстіяхъ о тѣхъ положительно искусственныхъ усиліяхъ испортить воображеніе отрока чтеніемъ безнравственныхъ книгъ, сладкими и чрезмѣрными яствами, зрѣлищемъ безнравственныхъ пьесъ, а главное безстыдными бесѣдами и разговорами въ присутствіи ребенка. Рано, очень рано старемились направить Павла на путь порока и разврата!

Павлу позволялось читать все безъ разбору, и такъ какъ его научное образованіе было совершенно ложное а при изученіи „права и подобныхъ государственныхъ наукъ“ онъ лишь скучалъ, то онъ съ тѣмъ большею страстью предавался

чтенію книгъ, раздражающихъ половую и нервную систему.

Такъ, ему давали читать Gil Blas, на любовныхъ сценахъ останавливали его особенное вниманіе, и о пьесахъ, которыя давались въ его присутствіи, уже можно судить по однимъ ихъ заглавіямъ. Вотъ ихъ заглавія: la coquette punie, la coquette fixée, l'été des coquettes, la jalousie villageoise, le coureur galant, la fête de l'amour, le jeu de l'amour et du hasard, le rendes vous, l'époux sour supercherie и т. под.

Неправдали, это настоящія пьесы для ребенка, которому еще не исполнилось десяти лѣтъ!

Павелъ былъ очень впечатлительный мальчикъ; неудивительно поэтому, что подобнаго рода пьесы и книги разгорячили его воображеніе, и очень рано пробудили въ немъ неопредѣленныя чувства и страстныя желанія похоти, а его окружающимъ и придворнымъ доставило это искусственное половое раздраженіе невиннаго ребенка особое удовольствіе.

Испорченные до мозга костей развратники раздражались наивнымъ возбужденіемъ мальчика, и старая блудница Екатерина сама вызывала похотливыя чувства въ своемъ сынѣ. Такъ, будучи разъ вмѣстѣ съ нимъ въ Смольномъ монастырѣ, она шутя спросила мальчика — Наслѣдника, не хочетъ ли онъ поселиться среди этихъ дѣвушекъ, а въ театрѣ она желаетъ знать, какая изъ актрисъ ему болѣе нравится, а затѣмъ, какая изъ ея фрейлинъ.

Хороши шутки — нечего сказать!

Извѣстно, что сластолюбцы чувствуютъ особое наслажденіе въ развращеніи и растлѣваніи невинныхъ дѣтей. Итакъ, мы видимъ, что фаворитъ Екатерины гр. Григорій Орловъ, мечтавшій

о возведеніи на престолъ сына своего Бобринскаго, прижитаго съ Екатериной, предлагаетъ Павлу посѣщать фрейлинъ ея Величества, жившихъ во дворцѣ, а фрейлины въ свою очередь были выучены — да ихъ, впрочемъ, едва ли надо было научать — вліять въ указанномъ смыслѣ на молодаго великаго князя. Когда Павелъ высказалъ опасеніе, что мать разсердится, Екатерина восторженно разрѣшаетъ ему это. И вотъ онъ отправляется къ фрейлинамъ; лицо его возбужденно сіяетъ, его сопровождаютъ его воспитатель Панинъ и гр. Орловъ. Они посѣтили всѣхъ фрейлинъ, — иную онъ позволилъ себѣ пощупать, инымъ онъ пожималъ страстно руки, — и когда онъ вернулся въ свои покои, онъ разлегся на диванѣ, предаваясь сладкимъ мечтамъ о запрещенной любви и изучая все сказанное о словѣ „amour“ въ энциклопедическомъ словарѣ.

Понятно, что визиты не ограничились однимъ этимъ разомъ и повторялись затѣмъ безъ всякихъ провожатыхъ . . .

Но на что былъ способенъ 12 лѣтній мальчикъ, физически едва развитый? Конечно, серьезныхъ послѣдствій его похожденія имѣть не могли, ими только имѣлось въ виду вызвать раннее пробужденіе страстей въ мальчикѣ.

Эти неопредѣленныя чувства перешли наконецъ въ настоящую любовь, и 12-лѣтній Павелъ имѣлъ уже довольно ясныя понятія о любви и о томъ, въ чемъ она выражалась. Да, онъ зналъ, что мужья надуваютъ своихъ женъ и что замужнія женщины принимаютъ у себя по ночамъ чужихъ мущинъ, холостыхъ и женатыхъ; 12 лѣтъ онъ былъ посвященъ во всѣ тайники законной и запрещенной любви. Въ 1765 году дали ему разыграть цѣлую исторію дѣтской любви съ

фрейлиной Вѣрой Щоглоковой, дочери той Щоглоковой, которая въ свое время была назначена въ надзирательницы къ Екатеринѣ. — Онанизмъ воображенія былъ готовъ . . .

Но достопочтенная матушка Россіи и ея достопочтенный любовникъ съ нетерпѣніемъ ожидали момента, когда ихъ воспитанникъ пойдетъ по ихъ пути, и вотъ Екатерина подъ предлогомъ испытанія мужеспособности Павла сводитъ его въ 1768 году, т. е. когда ему только исполнилось 14 лѣтъ, съ женщиной, и восторгъ ея не знаетъ предѣловъ, когда отъ этого мальчика рождается сынъ.

Все это можетъ показаться неправдоподобнымъ, до того это сводничество противно всѣмъ человѣческимъ законамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ въ Россіи, такъ и заграницей сохранилось не только имя женщины, отдавшейся на совершеніе преступленія, но и преступнаго плода.

Женщина, которая растлѣла 14 лѣтняго мальчика, называлась Софіей Чарторыйской и находилась на 22омъ году своей жизни. Эта Софія Чарторыйская была то, что въ прошломъ столѣтіи называлось une petite maitresse, но она была изъ очень хорошей семьи: ея отецъ былъ сенаторомъ, и она была замужемъ за флигель-адъютантомъ Петра III Михаиломъ Чарторыйскимъ. Послѣ смерти мужа она, еще очень молодая женщина, переиспытала, по обычаю женщинъ Екатерининскаго двора, многихъ мущинъ и, наконецъ, Екатерина свела ее со своимъ 14 лѣтнимъ сыномъ. Плодомъ этого сожительства былъ мальчикъ, котораго назвали Семеномъ Великимъ и который жилъ до 8 лѣтняго возраста въ покояхъ Екатерины, гдѣ она его всѣмъ показывала, какъ молодцоватый плодъ ея ребенка, результатъ муже-

скихъ силъ Павла. Семенъ Великій, впрочемъ, какъ и всѣ выблядки отъ высокопоставленныхъ лицъ, умеръ въ молодости отъ злоупотребленія половыми органами.

Чарторыйская же вышла замужъ за Графа Петра Разумовскаго, котораго Павелъ I по возшествіи на престолъ и въ благодорность за ночи, проведенныя съ его невѣстой, произвелъ въ сенаторы и д. т. совѣтники . . .

Убѣдившись такимъ образомъ въ мужескихъ силахъ Павла, Екатерина стала серьезно подумывать о сочетаніи его законнымъ бракомъ.

3.

Бобринскій, первый бракъ Павла, заговоръ противъ Екатерины, Разумовскій, смерть Наталіи.

Екатерина никогда не долюбливала своего сына Павла. Этимъ и объясняется то безалаберное воспитаніе, какое ему было дано.

Екатерина увѣряла въ манифестѣ, изданномъ по восшествіи ея на престолъ, что Петръ намѣревался лишить ея сына Павла права на престолъ, а ее заточить въ монастырь, — а она сама?

Развѣ она не самоуправно захватила тронъ своего сына? Вѣдь по убіеніи Петра III она могла превозласить себя лишь регентшей, а не самодержавной правительницей, — а она не только засѣла на тронѣ, но даже имѣла въ виду сочетаться бракомъ съ Орловымъ, Павла лишить трона и усыновить своего незаконнорожденнаго

сына, прижитаго съ Орловымъ еще при жизни Петра и родившагося 18 Апрѣля 1762 г., за два мѣсяца до насильственнаго устраненія Петра III отъ правленія.

И все именно изъ-за боязни, что ея сынъ Павелъ, выросши и наученный ея врагами, потребуетъ отъ нея своего трона, она старалась рано возбудить въ немъ половыя желанія, разстроить его нервную систему и сдѣлать его рабомъ своихъ страстей. И это ей удалось, сверхъ ея ожиданія, чрезвычайно хорошо.

Павлу еще не исполнилось 8 лѣтъ, когда мать его родила отъ связи съ Гр. Орловымъ его соперника въ лицѣ мальчика Василія, названнаго впослѣдствіи гр. Бобринскимъ. —

Послѣ Салтыкова и Понятовскаго любовниками Екатерины сдѣлались при жизни Петра Григорій и Алексѣй Орловы, дѣлившіеся въ нѣжностяхъ вѣнценосной метрессы.

Григорію отдавалось предпочтеніе, и въ родившемся Василіи текло больше его крови, чѣмъ крови его брата Алексѣя. Когда Петръ былъ умерщвленъ, и Екатерина съ помощью своихъ клевретовъ провозгласила себя Самодержицей всея Россіи, Григорій Орловъ сталъ ея оффиціальнымъ любовникомъ, возсѣдавшимъ у трона. Но честолюбивому Орлову этого было мало. Ему хотѣлось „узаконить свой преступный бракъ предъ святымъ алтаремъ“ и занять положеніе принца-супруга. Этого ему, конечно, не удалось достигнуть, и особенно противодѣйствовалъ этому плану гр. Панинъ, руководившій воспитаніемъ наслѣдника Цесаревича.

Тогда Орловъ сталъ требовать, чтобы по крайней мѣрѣ корона и тронъ были обезпечены за отпрыскомъ Орловыхъ, вышеупомянутымъ Васи-

ліемъ, — для чего Павла слѣдовало лишить всѣхъ данныхъ ему Елизаветою правъ. И вотъ, Орловъ всѣми мѣрами старался сѣять раздоръ между Екатериною и Павломъ и отчуждать ея сердце отъ ея первенца. Такимъ образомъ для Павла настало весьма неблагопріятное время. Къ несчастію, великій князь былъ такъ воспитанъ, что онъ ничѣмъ серьезнымъ не интересовался, въ особенности же онъ не любилъ государственныхъ наукъ, а предпочиталъ сидѣть въ уборныхъ фрейлинъ своей матери. Орловъ и его сподвижникъ Тепловъ стали увѣрять Екатерину, что ея Павелъ неспособный мальчуганъ, похожій на полуумнаго Петра, котораго поэтому надо устранить отъ трона и назначить другаго наслѣдникомъ. Указъ Петра I де не представляетъ препятствій, а напротивъ былъ въ полной силѣ, и примѣнить его на сей разъ весьма удобно.

Вотъ отсюда и пошла придворная борьба, въ которой Екатерина пока еще принимала участіе лишь простого зрителя, а Павла продолжали коверкать. А вѣдь если подумать серьезно, то Павелъ былъ въ дѣтствѣ премилый характеръ, со всѣми задатками будущаго хорошаго человѣка: онъ былъ уменъ, откровененъ, добродушенъ, прилеженъ, старателенъ, а дурное воспитаніе сдѣлало изъ него хитраго, замкнутаго, мрачнаго, строгаго и деспотическаго человѣка, раннее же половое раздраженіе разстроило настолько его нервную систему, что когда онъ вступилъ на престолъ, онъ былъ уже полусумашедшій, а послѣ того какъ достигъ власти, онъ превратился въ сумашедшаго деспота, и его постигаетъ участь, подобная участи его полуумнаго отца Петра III...

Но при всемъ томъ Екатерина не могла согласиться на шагъ, который рекомендовалъ ей ея

сына, прижитаго съ Орловымъ еще при жизни Петра и родившагося 18 Апрѣля 1762 г., за два мѣсяца до насильственнаго устраненія Петра III отъ правленія.

И все именно изъ-за боязни, что ея сынъ Павелъ, выросши и наученный ея врагами, потребуетъ отъ нея своего трона, она старалась рано возбудить въ немъ половыя желанія, разстроить его нервную систему и сдѣлать его рабомъ своихъ страстей. И это ей удалось, сверхъ ея ожиданія, чрезвычайно хорошо.

Павлу еще не исполнилось 8 лѣтъ, когда мать его родила отъ связи съ Гр. Орловымъ его соперника въ лицѣ мальчика Василія, названнаго впослѣдствіи гр. Бобринскимъ. —

Послѣ Салтыкова и Понятовскаго любовниками Екатерины сдѣлались при жизни Петра Григорій и Алексѣй Орловы, дѣлившіеся въ нѣжностяхъ вѣнценосной метрессы.

Григорію отдавалось предпочтеніе, и въ родившемся Василіи текло больше его крови, чѣмъ крови его брата Алексѣя. . Когда Петръ былъ умерщвленъ, и Екатерина съ помощью своихъ клевретовъ провозгласила себя Самодержицей всея Россіи, Григорій Орловъ сталъ ея оффиціальнымъ любовникомъ, возсѣдавшимъ у трона. Но честолюбивому Орлову этого было мало. Ему хотѣлось „узаконить свой преступный бракъ предъ святымъ алтаремъ“ и занять положеніе принца-супруга. Этого ему, конечно, не удалось достигнуть, и особенно противодѣйствовалъ этому плану гр. Панинъ, руководившій воспитаніемъ наслѣдника Цесаревича.

Тогда Орловъ сталъ требовать, чтобы по крайней мѣрѣ корона и тронъ были обезпечены за отпрыскомъ Орловыхъ, вышеупомянутымъ Васи-

[redacted]

ліемъ, — для чего Павла слѣдовало лишить всѣхъ данныхъ ему Елизаветою правъ. И вотъ, Орловъ всѣми мѣрами старался сѣять раздоръ между Екатериною и Павломъ и отчуждать ея сердце отъ ея первенца. Такимъ образомъ для Павла настало весьма неблагопріятное время. Къ несчастію, великій князь былъ такъ воспитанъ, что онъ ничѣмъ серьезнымъ не интересовался, въ особенности же онъ не любилъ государственныхъ наукъ, а предпочиталъ сидѣть въ уборныхъ фрейлинъ своей матери. Орловъ и его сподвижникъ Тепловъ стали увѣрять Екатерину, что ея Павелъ неспособный мальчуганъ, похожій на полуумнаго Петра, котораго поэтому надо устранить отъ трона и назначить другаго наслѣдникомъ. Указъ Петра I де не представляетъ препятствій, а напротивъ былъ въ полной силѣ, и примѣнить его на сей разъ весьма удобно.

Вотъ отсюда и пошла придворная борьба, въ которой Екатерина пока еще принимала участіе лишь простого зрителя, а Павла продолжали коверкать. А вѣдь если подумать серьезно, то Павелъ былъ въ дѣтствѣ премилый характеръ, со всѣми задатками будущаго хорошаго человѣка: онъ былъ уменъ, откровененъ, добродушенъ, прилеженъ, старателенъ, а дурное воспитаніе сдѣлало изъ него хитраго, замкнутаго, мрачнаго, строгаго и деспотическаго человѣка, раннее же половое раздраженіе разстроило настолько его нервную систему, что когда онъ вступилъ на престолъ, онъ былъ уже полусумашедшій, а послѣ того какъ достигъ власти, онъ превратился въ сумашедшаго деспота, и его постигаетъ участь, подобная участи его полуумнаго отца Петра III...

Но при всемъ томъ Екатерина не могла согласиться на шагъ, который рекомендовалъ ей ея

возлюбленный. Она не могла рѣшиться предъ лицомъ всего русскаго народа или, вѣрнѣе, всего міра признать себя вѣроломной женой и назначить себѣ своимъ преемникомъ незаконнорожденнаго сына, прижитаго при жизни ея мужа. Она во всякомъ случаѣ была настолько проницательна, чтобы понять, что подобного рода шагъ могъ бы ей стоить трона; она поэтому не поддалась наускиваніямъ Орлова, а стремилась поскорѣе женить Павла, чтобы въ случаѣ нужды признать наслѣдникомъ своего внука . . .

Что же касается Василія Григорьевича, получившаго имя гр. Бобринскаго, то онъ получилъ весьма тщательное воспитаніе. Екатерина отдала его на воспитаніе въ кадетскій корпусъ, подарила ему милліонъ рублей и послала его для дальнѣйшаго воспитанія заграницу. Сначала онъ жилъ въ Вѣнѣ, гдѣ его счелъ нужнымъ принять Австрійскій Императоръ и гдѣ въ его честь устроены были торжественные балы и обѣды.

Это для выблядка, только потому, что онъ былъ сыномъ царской блудницы. Затѣмъ онъ жилъ въ Италіи, Франціи и Англіи, но велъ себя всюду весьма скандально, и особенно въ Парижѣ онъ, не стѣсняясь, называлъ себя сыномъ Екатерины, надѣлалъ массу долговъ, такъ что „maman“ поспѣшила вытребовать негоднаго шалопая обратно въ Россію и поселила его въ Ревелѣ. О его назначеніи наслѣдникомъ русскаго престола больше и помину не было . . .

Итакъ, Павла Петровича нужно было женить, прежде чѣмъ онъ самъ избралъ бы себѣ въ жены какую-нибудь придворную даму. Екатерина рѣшила при этомъ ввести новую систему — систему бракосочетанія наслѣдныхъ великихъ

была сопротивляться дальнѣйшему сопровожденію этого молодчика ея гостей.

Послѣ бракосочетанія онъ подъ маской ближайшаго доброжелателя Павла съумѣлъ вкрасться въ полное довѣріе наслѣдника и сдѣлаться почти единственнымъ собесѣдникомъ въ одинокихъ минутахъ Павла — и въ то же время интимнымъ другомъ его жены. Екатерина, узнавъ объ этой связи, немедленно донесла объ этомъ Павлу. Разыгралась невѣроятная сцена ревности между мужемъ и женою. Великая княгиня заболѣла, вскорѣ показались признаки родовъ, и дѣйствительно Наталія сдѣлалась матерью, но ребенокъ былъ мертвый, и сама она умерла чрезъ нѣсколько часовъ послѣ родовъ. Въ народѣ увѣряли, что Екатерина была причиной столь скорой смерти наслѣдницы . . .

Разумовскій былъ сосланъ на постоянное мѣсто жительство въ Ревель.

Екатерина для виду надѣла трауръ на нѣсколько дней, но тотчасъ же занялась новыми брачными планами: сводничество вполнѣ соотвѣтствовало ея духу.

Въ лицѣ Софіи-Доротеи, принцессы Виртембергской, была найдена вторая жена для Павла.

Софія-Доротея приняла православіе и извѣстна въ исторіи подъ именемъ Маріи Федоровны.

4.

Раздражительность Павла. Его полное удаленіе отъ придворной жизни.

Нелидова.

Какъ вслѣдствіе слишкомъ ранняго половаго развитія, такъ и вслѣдствіе одиночества, въ ко-

торомъ оставляли Наслѣдника, Павелъ становился все болѣе и болѣе раздражительнымъ и подозрительнымъ.

Женитьба произвела на него сильное впечатлѣніе — новые люди, новая жизнь, потребность быть болѣе самостоятельнымъ и не столь пасивнымъ нахлынули на неразвитый умъ молодого цесаревича, его сердце охватываетъ чувство какой-то таинственной, неопредѣленной печали, и вотъ онъ пишетъ своему другу Андрею Разумовскому, впослѣдствіи такъ зло обманувшему его: „поймите, что боязливость и стыдливость съиздавна составляли особенность моего характера. Нынѣ же я поставилъ себѣ правиломъ быть со всѣми какъ можно сердечнѣе. Долой химеры, долой безпокойство и заботы! Насколько я смогу, я постараюсь овладѣть живостью своего характера; ежедневно я собираю предметы, которые могли бы занять мой умъ и развить мои мысли, — многое же я почерпываю изъ книгъ . . .“

Итакъ, Павелъ самъ сознаетъ свои недостатки, но никто не поддерживалъ его въ его стремленіи исправить ихъ, а напротивъ развивали ихъ въ немъ. Окружавшій его дворъ старался раздвоить его съ его матерью, а главное сдѣлать его недовѣрчивымъ къ ея мѣрамъ. Сейчасъ послѣ его перваго бракосочетанія Екатерина удаляетъ отъ него его воспитателя, преданнаго Павлу сердцемъ и душою и либеральнаго гр. Панина, и назначаетъ ему въ надзиратели за его поведеніемъ одного изъ своихъ клевретовъ, Салтыкова подъ видомъ совѣтника. Но Павлу объясняютъ настоящее значеніе назначенія Салтыкова. Раздраженный онъ бѣжитъ, какъ маленькое „дитю“, къ Екатеринѣ и жалуется ей же на ея назначеніе;

была сопротивляться дальнѣйшему сопровожденію этого молодчика ея гостей.

Послѣ бракосочетанія онъ подъ маской ближайшаго доброжелателя Павла съумѣлъ вкрасться въ полное довѣріе наслѣдника и сдѣлаться почти единственнымъ собесѣдникомъ въ одинокихъ минутахъ Павла — и въ то же время интимнымъ другомъ его жены. Екатерина, узнавъ объ этой связи, немедленно донесла объ этомъ Павлу. Разыгралась невѣроятная сцена ревности между мужемъ и женою. Великая княгиня заболѣла, вскорѣ показались признаки родовъ, и дѣйствительно Наталія сдѣлалась матерью, но ребенокъ былъ мертвый, и сама она умерла чрезъ нѣсколько часовъ послѣ родовъ. Въ народѣ увѣряли, что Екатерина была причиной столь скорой смерти наслѣдницы . . .

Разумовскій былъ сосланъ на постоянное мѣсто жительство въ Ревель.

Екатерина для виду надѣла трауръ на нѣсколько дней, но тотчасъ же занялась новыми брачными планами: сводничество вполнѣ соотвѣтствовало ея духу.

Въ лицѣ Софіи-Доротеи, принцессы Виртембергской, была найдена вторая жена для Павла.

Софія-Доротея приняла православіе и извѣстна въ исторіи подъ именемъ Маріи Федоровны.

4.

Раздражительность Павла. Его полное удаленіе отъ придворной жизни.

Нелидова.

Какъ вслѣдствіе слишкомъ ранняго половаго развитія, такъ и вслѣдствіе одиночества, въ ко-

торомъ оставляли Наслѣдника, Павелъ становился все болѣе и болѣе раздражительнымъ и подозрительнымъ.

Женитьба произвела на него сильное впечатлѣніе — новые люди, новая жизнь, потребность быть болѣе самостоятельнымъ и не столь пасивнымъ нахлынули на неразвитый умъ молодого цесаревича, его сердце охватываетъ чувство какой-то таинственной, неопредѣленной печали, и вотъ онъ пишетъ своему другу Андрею Разумовскому, впослѣдствіи такъ зло обманувшему его: „поймите, что боязливость и стыдливость съиздавна составляли особенность моего характера. Нынѣ же я поставилъ себѣ правиломъ быть со всѣми какъ можно сердечнѣе. Долой химеры, долой безпокойство и заботы! Насколько я смогу, я постараюсь овладѣть живостью своего характера; ежедневно я собираю предметы, которые могли бы занять мой умъ и развить мои мысли, — многое же я почерпываю изъ книгъ . . .“

Итакъ, Павелъ самъ сознаетъ свои недостатки, но никто не поддерживалъ его въ его стремленіи исправить ихъ, а напротивъ развивали ихъ въ немъ. Окружавшій его дворъ старался раздвоить его съ его матерью, а главное сдѣлать его недовѣрчивымъ къ ея мѣрамъ. Сейчасъ послѣ его перваго бракосочетанія Екатерина удаляетъ отъ него его воспитателя, преданнаго Павлу сердцемъ и душою и либеральнаго гр. Панина, и назначаетъ ему въ надзиратели за его поведеніемъ одного изъ своихъ клевретовъ, Салтыкова подъ видомъ совѣтника. Но Павлу объясняютъ настоящее значеніе назначенія Салтыкова. Раздраженный онъ бѣжитъ, какъ маленькое „дитю“, къ Екатеринѣ и жалуется ей же на ея назначеніе;

она удаляетъ доносчика, но за Павломъ начинаютъ еще больше слѣдить, и вотъ разъ разыгрывается слѣдующее. Павелъ очень любилъ сосиски; за ужиномъ ему однажды подаютъ его любимое блюдо, на днѣ тарелки оказывается кусокъ стекла. Разгнѣванный, онъ встаетъ со стола съ тарелкою въ рукахъ бѣжитъ къ матери и объявляетъ, что его хотѣли отравить. Такъ какъ это случилось нѣсколько дней по открытіи заговора противъ Екатерины, то это подозрѣніе имѣло довольно справедливое основаніе, но Екатерина страшно разсердилась, не назначила никакого разслѣдованія, а приписавъ всю эту исторію раздражительности Павла, она приказываетъ ему переселиться въ Царское село, а его маршалу давать подробныя свѣдѣнія о его нервномъ и умственномъ состояніи.

Павелъ же всю свою жизнь былъ убѣжденъ въ томъ, что его тогда хотѣли отравить. Имѣлъ ли онъ на это основаніе? Безъ сомнѣнія ...

Неудавшееся отравленіе, однако, возымѣло сильное вліяніе на душевное настроеніе Павла, и съ этого времени онъ начинаетъ искать уединенія и становится весьма меланхоличнымъ. Екатерина же и ея клевреты только того и ожидали, чтобы объявить его ненормальнымъ и неспособнымъ къ государственной дѣятельности ...

Такъ какъ отъ перваго брака наслѣдника не осталось, то Екатерина стала помышлять о второмъ, не выждавъ даже похоронъ Наталіи Алексѣевны.

Ея выборъ палъ опять на нѣмецкую принцессу, на Софію Доротею Виртембергскую. Къ счастію — это была женщина, заслуживающая только похвалы.

увидѣлъ въ одномъ зданіи высокую, худую фигуру, въ мантіи и военной шапкѣ. Эта фигура стала около Павла и съ лѣвой стороны стала провожать его. Павелъ ясно слышитъ шумъ отъ движенія незнакомца по тротуару съ стороны, по которой послѣдній шелъ, онъ неожиданно почувствовалъ страшный холодъ. Изумленный Павелъ обращаетъ вниманіе Куракина на страннаго провожатаго. Куракинъ увѣряетъ, что никого не видитъ, и что физически невозможно, чтобы кто-нибудь шелъ рядомъ съ Павломъ, такъ какъ онъ идетъ у самой стѣны. Павелъ не успокаивается, а заявляетъ, что на него смотрятъ въ упоръ два необыкновенно блестящихъ глаза и притягиваютъ его, да, онъ чувствуетъ уже себя какъ то даже необыкновенно странно. Ему кажется, что кровь застываетъ въ его жилахъ, и онъ неожиданно слышитъ свое имя, произнесенное глухимъ и печальнымъ голосомъ. Павелъ пускается въ разговоръ съ привидѣніемъ, хотя Куракинъ опять заявляетъ, что ничего не видитъ и не слышитъ. Этотъ незнакомецъ называетъ его несчастнымъ княземъ, коему не суждено долго прожить. Онъ ему совѣтуетъ жить по закону справедливости и тогда онъ спокойно умретъ. Бояться слѣдуетъ лишь упрековъ совѣсти, для благороднаго сердца нѣтъ большаго наказанія. Павелъ чувствуетъ себя настолько привлеченнымъ, что слѣдуетъ безъ оглядки за незнакомцемъ. Больше часа онъ шагалъ подъ чужимъ вліяніемъ и наконецъ онъ выходитъ на площадь предъ памятникомъ Петра Великаго.
онъ останавливается и слышитъ, какъ
мецъ говоритъ: „Прощай, Павелъ, ты
ще узришь, здѣсь и еще въ другихъ
ъ.“

Павелъ отправляется въ Берлинъ, гдѣ ему, конечно, его новоназначенная невѣста „очень" понравилась, — Софія-Доротея затѣмъ ѣдетъ въ Петербургъ, перекрещивается, получаетъ имя Маріи Федоровны и въ 1776 году становится законной женой Наслѣдника Цесаревича.

Этотъ второй бракъ всякому постороннему зрителю могъ показаться весьма счастливымъ: народила вѣдь Марія Федоровна своему мужу 9 дѣтей; изучающій, однако, исторію этой брачной жизни долженъ сказать, что Марія Федоровна безъ сомнѣнія была очень несчастна, ибо умственное состояніе Павла стало съ первыхъ же лѣтъ его второй женитьбы замѣтно приходить въ упадокъ, а по восшествіи на престолъ онъ сошелъ съ ума . . .

И въ самомъ дѣлѣ: развѣ можно назвать нормальнымъ человѣка, который видитъ фантастическія видѣнія и признаетъ ихъ за дѣйствительность?

Вотъ что Павелъ самъ разсказываетъ въ Брюселѣ въ 1782 г. о томъ, что онъ видѣлъ въ 70ыхъ годахъ въ Петербургѣ.

Однажды ночью онъ гулялъ съ Куракинымъ и двумя слугами на улицахъ Петербурга. Была свѣтлая лунная ночь, а онъ провелъ вечеръ въ возбужденной бесѣдѣ въ накуренной комнатѣ. Стояла свѣжая, чисто весенняя погода. Разговоръ на улицѣ не касался серьезныхъ темъ, напротивъ гуляющіе подшучивали надъ прохожими. Предъ Павломъ шелъ слуга, за Павломъ слѣдовалъ Куракинъ. Ночь была, какъ вообще Петербургскія лунныя ночи, необыкновенно свѣтлая, такъ что можно было читать, и тѣни ясно отражались на землѣ. И вотъ Павелъ увѣряетъ, что при поворотѣ въ боковую улицу онъ вдругъ

увидѣлъ въ одномъ зданіи высокую, худую фигуру, въ мантіи и военной шапкѣ. Эта фигура стала около Павла и съ лѣвой стороны стала провожать его. Павелъ ясно слышитъ шумъ отъ движенія незнакомца по тротуару съ стороны, по которой послѣдній шелъ, онъ неожиданно почувствовалъ страшный холодъ. Изумленный Павелъ обращаетъ вниманіе Куракина на страннаго провожатаго. Куракинъ увѣряетъ, что никого не видитъ, и что физически невозможно, чтобы кто-нибудь шелъ рядомъ съ Павломъ, такъ какъ онъ идетъ у самой стѣны. Павелъ не успокаивается, а заявляетъ, что на него смотрятъ въ упоръ два необыкновенно блестящихъ глаза и притягиваютъ его, да, онъ чувствуетъ уже себя какъ то даже необыкновенно странно. Ему кажется, что кровь застываетъ въ его жилахъ, и онъ неожиданно слышитъ свое имя, произнесенное глухимъ и печальнымъ голосомъ. Павелъ пускается въ разговоръ съ привидѣніемъ, хотя Куракинъ опять заявляетъ, что ничего не видитъ и не слышитъ. Этотъ незнакомецъ называетъ его несчастнымъ княземъ, коему не суждено долго прожить. Онъ ему совѣтуетъ жить по закону справедливости и тогда онъ спокойно умретъ. Бояться слѣдуетъ лишь упрековъ совѣсти, для благороднаго сердца нѣтъ большаго наказанія. Павелъ чувствуетъ себя настолько привлеченнымъ, что слѣдуетъ безъ оглядки за незнакомцемъ. Больше часа онъ шагалъ подъ чужимъ вліяніемъ и наконецъ онъ выходитъ на площадь предъ памятникомъ Петра Великаго. Здѣсь онъ останавливается и слышитъ, какъ ...комецъ говоритъ: „Прощай, Павелъ, ты ... здѣсь и еще въ другихъ

Павелъ всматривается въ незнакомца и узнаетъ въ немъ черты Петра Великаго. Когда онъ, испуганный и изумленный, пришелъ въ себя, незнакомца уже не было . . .

Такія галлюцинаціи повторялись. — Павелъ искалъ одиночества и все болѣе и болѣе сталъ чуждаться двора и увеселеній, Екатерина приказывала слѣдить за нимъ и доносить о его состояніи, онъ производилъ дѣтей на свѣтъ Божій и мечталъ въ своемъ уединеніи о величіи, которое ему предстоитъ по вступленіи на престолъ, въ свѣтлыя минуты разработывалъ разныя законодательныя мѣры и проекты, — Екатерина, однако, жила и даже серьезно подумывала объ устраненіи его отъ управленія государствомъ вообще и о назначеніи его старшаго сына Александра на тронъ Романовыхъ. Но она умерла до выполненія этого проекта, и 5/17 Ноября 1796, т. е. 42 лѣтъ отъ роду, Павелъ вступилъ, наконецъ, на царскій престолъ и установилъ свой новый родъ — родъ Павловичей.

Тихая семейная жизнь Павла, отсутствіе особыхъ друзей и фаворитокъ очень не нравились тогдашнему распущенному двору. Какъ, тотъ самый Павелъ, котораго съ семи лѣтъ уже стали развращать, ведетъ вдругъ образцовую семейную жизнь? Да это ни на что не похоже! Кромѣ того, что за дѣтей народила Марія Федоровна — дѣвочки, дѣвочки и опять дѣвочки. Что съ ними дѣлать? онѣ вводятъ лишь въ расходы. Екатерина даже неохотно принимала поздравленія, и когда по случаю рожденія Ольги Павловны стрѣляли изъ пушекъ, Екатерина иронически заявила: faut-il faire tant de bruit pour une fichue demoiselle!

Вотъ каково было настроеніе! Необходимо было отвлечь вниманіе Павла отъ его жены, ра-

сторнуть ихъ супружескую любовь. Начались интриги. Съ вѣдома Екатерины, на нѣкоего барона К. Сакена выпала задача посѣять въ душѣ Павла недовѣріе къ совѣтамъ его жены. Онъ сталъ увѣрять Павла, что Марія находится подъ вліяніемъ ея фрейлинъ, г-жъ Бенкендорфъ и Лафермiеръ, и онъ, такимъ образомъ, слѣдуя повидимому совѣтамъ своей жены, дѣлаетъ лишь то, что желаютъ фрейлины послѣдней. Можно себѣ представить, что произошло въ душѣ болѣзненно самолюбиваго пылкаго самодура Павла! Онъ начинаетъ пренебрегать своей женой и дѣлаетъ все то, чего она не желаетъ. Первый шагъ къ худшему былъ сдѣланъ. Недоставало фаворитки, чтобы окончательно устранить вліяніе чистой Маріи Федоровны.

У Павла былъ любимый лакей — именемъ Кутайсовъ, изъ Турокъ. Этого Кутайсова подкупили, онъ сдѣлался сводникомъ, и нашъ Павелъ избираетъ себѣ любовницу въ лицѣ нѣкоей Нелидовой, фрейлины Императрицы Екатерины. Однимъ словомъ, успѣхъ оказался вполнѣ на сторонѣ Екатерины и ея союзниковъ, и когда Марія Федоровна стала жаловаться своей тещѣ на невѣрность своего мужа, Екатерина со свойственнымъ ей цинизмомъ ведетъ ее къ зеркалу и говоритъ ей: „Посмотри, какая ты красавица — твоя же соперница petit monstre. Не печалься и довѣряй своимъ прелестямъ!“ ...

Сколько злой ироніи и торжества вслѣдствіе одержанной побѣды лежитъ въ этихъ словахъ!

Марія Федоровна поняла ихъ настоящее значеніе, и она, слѣдуя обычаямъ и нравамъ того времени, искала сближенія съ фавориткой своего мужа и возвратила себѣ свое прежнее вліяніе. Ученица оказалась умнѣе своихъ учителей —

вліяніе Маріи Федоровны чрезъ Нелидову было еще сильнѣе прежняго, и поэтому тѣ же люди, которые свели Нелидову съ Павломъ, стали стараться объ ея устраненіи . . .

Павелъ I во многомъ походилъ на одного изъ своихъ отцовъ, на Петра III. Онъ былъ такъ же своенравенъ, пылокъ и дурковатъ, какъ Петръ, одинаково любилъ Пруссію и милитаризмъ, и главное въ выборѣ своей любовницы онъ вполнѣ напомнилъ его.

Любовница Петра III была толстая, некрасивая, глупая баба, любовница Павла была въ полномъ смыслѣ слова рожа, и Павелъ въ первые дни знакомства съ ней ненавидѣлъ ее и считалъ злой. Но Нелидова была не глупая женщина, — этимъ она отличается отъ Воронцовой. — Она сначала подобно другимъ указывала на вредность совѣтовъ его жены, ругала Екатерину и ея фаворитовъ, чѣмъ она вскорѣ пріобрѣла неимовѣрное вліяніе на Павла; впослѣдствіи же, зная непостоянство фаворитства, она заключила тайный договоръ съ его женой, чтобы не столь скоро потерять свое мѣсто . . .

5.

Царствованіе Павла. Иванъ Кутайсовъ.

Лопухина.

Когда Павелъ вступилъ на престолъ, ему пошелъ уже 43ій годъ. Еще наслѣдникомъ, „изнемогая отъ досады въ ожиданіи престола“, онъ порицалъ всѣ дѣйствія Екатерины и грозилъ современемъ „высѣчь фаворитовъ“. Послѣднія

20 лѣтъ представляли глухую борьбу между пышнымъ, любившимъ увеселенія, развратнымъ, старымъ дворомъ и скромнымъ молодымъ дворомъ, т. е. борьбу между Петербургомъ и Гатчиною. Это была темная драма, окончившаяся полнымъ разстройствомъ умственныхъ способностей Цесаревича . . . Этотъ великій князь съ задатками добраго и рыцарскаго человѣка, впечатлительный и находчивый, превратился по восшествіи на престолъ въ рѣзкаго, раздражительнаго, хилаго человѣка, отъ неуклюжей фигуры коего вѣяло чѣмъ то болѣзненнымъ и недобрымъ; лицо его было блѣдно, нѣкогда рыцарскія манеры его стали странными, а взглядъ его ничего не выражалъ, сталъ оловянный.

Чувствуя себя еще наслѣдникомъ постоянно подъ надзоромъ екатерининскихъ шпіоновъ, онъ сталъ страшно подозрительнымъ, а отъ крайней раздражительности весьма привередливымъ. Европейскіе дипломаты въ своихъ донесеніяхъ говорили объ „изумительной и противурѣчивой дѣятельности при дворѣ“, и Павелъ былъ для нихъ „мстительный, гордый азіатскій деспотъ въ совсѣмъ необычайномъ состояніи ума и съ характерными странностями“.

Неожиданная свобода и право самостоятельнаго дѣйствія лишили его сознанія его дѣйствій, и его приказанія носили характеръ страшнаго непостоянства: то, что онъ только-что приказалъ, онъ чрезъ часъ отмѣнялъ, и въ Парижѣ хранится сатирическая гравюра съ портретомъ Павла, дающаго Суворову приказы, на которыхъ написано: „Ordre-Contre ordre-Désordre“. Эта гравюра лучше всего характеризуетъ все правленіе умственно несостоятельнаго Павла.

Первый годъ его царствованія, правда, отличался еще довольно разумными мѣрами, и особеннаго вниманія заслуживаетъ его „Учрежденіе объ Императорской фамиліи“, коимъ онъ упрочилъ свою династію на весьма долгое время впередъ. Онъ точно также оказался великодушнымъ по отношенію къ иновѣрцамъ: остзейскому краю онъ возвратилъ его привиллегіи и въ Дерптѣ основалъ университетъ.

Но всѣ эти мѣры были плодомъ случайныхъ впечатлѣній или внушеній людей даровитыхъ, которыхъ онъ допускалъ еще къ себѣ въ первый годъ.

Вскорѣ, однако, все это стало мѣняться. Онъ сталъ бояться всякаго внушенія и оберегалъ свою власть и, главное, свою волю совершенно деспотически. Особенное опасеніе внушала ему его собственная жена, и всякаго, съ кѣмъ она любезно заговаривала, онъ немилосердно прогонялъ со службы.

Такъ напр. вотъ что разъ случилось съ гр. Вельгорскимъ. Графъ состоялъ гофмаршаломъ Императрицы и, конечно, долженъ былъ по долгу и по чести бесѣдовать съ ней. На одномъ придворномъ праздникѣ онъ, по обыкновеніи, подошелъ къ Маріи Федоровнѣ.

Съ раздраженіемъ Павелъ замѣчаетъ своему старшему сыну Александру:

„Посмотри, этотъ опять ей навѣрное докладываетъ разныя глупости!“

Великій князь подаетъ знакъ Вельгорскому, В. удаляется отъ монархини и подходитъ къ одному изъ столовъ, за которымъ играли въ карты. Разгнѣванный Павелъ говоритъ своему сыну:

„Теперь онъ приблизился къ намъ, чтобы насъ подслушать. Это вѣдь дерзость.“

И онъ призываетъ Вельгорскаго къ себѣ и спрашиваетъ его: „Знаете ли вы уже, графъ, что Нарышкинъ назначенъ гофмаршаломъ Императрицы?“

А въ другой разъ въ Павловскѣ онъ положительно изъ-за пустяка, изъ-за вопроса о погодѣ прогоняетъ гр. Строганова, „считавшагося самымъ осторожнымъ и находчивымъ человѣкомъ при тогдашнемъ дворѣ“.

Павлу захотѣлось прогуляться, но Марія Федоровна замѣчаетъ, что дождь пойдетъ и что поэтому лучше остаться во дворцѣ.

Павелъ спрашиваетъ Строганова, какого онъ мнѣнія о погодѣ. Гр. Строгановъ со свойственной ему осторожностью выходитъ на дворъ и возвратившись заявляетъ, что небо покрыто облаками и что поэтому, по всей вѣроятности, можно разсчитывать на то, что дождь пойдетъ.

Гнѣву Павла не было предѣловъ.

„Ага!“ воскликнулъ онъ. „И вы только потому одного мнѣнія съ Императрицей, чтобы меня разстроить. Но мнѣ надоѣло переносить подобную фальшь. Я вижу, графъ, что мы не подходимъ болѣе другъ къ другу. Вы меня никогда не хотите понимать. Впрочемъ, у Васъ безъ сомнѣнія есть дѣла въ Петербургѣ, — я совѣтую Вамъ немедленно поѣхать туда. Я надѣюсь, что Вы на этотъ разъ меня поняли.“ Строгановъ глубоко поклонился — и отказался впредь служить подъ управленіемъ сумашедшаго монарха.

Что же касается управленія государственными дѣлами, то оно все ушло въ мелочи. Самыми важными государственными вопросами являлись для него вопросы о формѣ шляпъ, гренадерскихъ шапокъ, о цвѣтѣ перьевъ, о сапогахъ, кокардахъ,

формахъ вообще и т. под. пустякахъ. Высокопоставленные сановники, заслуженные генералы немилосердно лишались всѣхъ своихъ званій, орденовъ и почестей, если показывались предъ нимъ не въ предписанной имъ формѣ. Даже иностранцевъ не миновала эта судьба.

Такъ, прусскій посланникъ Тауенцинъ осмѣлился явиться на придворномъ балѣ въ формѣ, не понравившейся Павлу, и долженъ былъ немедленно выѣхать изъ Петербурга.

Указами запрещалось народу носить круглыя шапки, и полиція ихъ срывала съ головы всякаго прохожаго, или же приказывалось запрягать лошадей только по иностранному, — и кто выѣзжалъ въ русской упряжи, того полиція останавливала и перерѣзывала возжи.

И эти всѣ указы чрезъ день или два опять отмѣнялись, и приказывалось что-нибудь новое, опять столь же несообразное.

Однимъ словомъ, никто не находился въ безопасности; всякій чувствовалъ, что ежеминутно безъ всякаго основанія и надъ нимъ можетъ разразиться гроза. Даже его любимецъ Кутайсовъ, о которомъ рѣчь впереди, долженъ былъ перетерпѣть всю невзгоду сумашедшаго Павла.

По случаю коронаціи Павла, Кутайсовъ сталъ просить себѣ ордена Анны 2ой степени. Павелъ до того разсердился на своего слугу за то, что тотъ позволилъ себѣ, по его мнѣнію, предписывать ему раздачу орденовъ, что онъ отколотилъ отчаянно своего каммердинера и прогналъ его. Только усиленнымъ просьбамъ Нелидовой и Маріи Федоровны удалось умиротворить разгнѣваннаго Павла.

И, наконецъ, въ выборѣ своихъ фаворитовъ Павелъ показалъ себя вполнѣ ненормальнымъ. Всего у него былъ одинъ фаворитъ, но и этотъ одинъ вполнѣ достоинъ царя, поднявшаго его на самыя высшія ступени государственнаго строя.

Этотъ фаворитъ былъ его каммердинеръ и брадобрѣй изъ плѣнныхъ турченковъ, получившій по крещеніи въ православную вѣру имя Ивана Павловича Кутайсова.

Кутайсовъ былъ въ 1770 г. мальчишкою взятъ въ плѣнъ отъ турокъ и, какъ особенная рѣдкость, подаренъ великому князю Павлу, тогда еще тоже очень молодому человѣку. Павелъ сдѣлалъ его своимъ оффиціантомъ, полюбилъ его настолько, что сталъ ему довѣряться, но до восшествія наслѣдника на престолъ Кутайсовъ не игралъ никакой роли. — Екатерина и ея клевреты отчасти виновны въ возвышеніи этого татарченка. Какъ уже выше было упомянуто, онъ былъ сводникомъ въ связи Павла съ Нелидовой.

Когда Павелъ сталъ самостоятельнымъ самодержцемъ всея Россіи, онъ открыто сдѣлалъ его въ благодарность за сводническое дѣло своимъ фаворитомъ, давъ ему приказъ ни съ кѣмъ изъ постороннихъ людей не говорить и не болтать о его частной жизни. Кутайсовъ быстро пошелъ въ ходъ. Его сдѣлали егермейстеромъ съ чиномъ генералъ-лейтенанта, грудь его украшали всевозможные ордена, какъ русскіе такъ и иностранные, но внутренняго содержанія онъ все-таки не получилъ: онъ остался тѣмъ же пустымъ малымъ и сводникомъ.

Значеніе его при дворѣ, однако, превзошло всѣ предѣлы. Онъ одинъ умѣлъ управлять мо-

нархомъ, онъ зналъ всѣ его минутныя вспышки, онъ умѣлъ ихъ разгорячать и пріостанавливать, смотря по тому, какъ это ему надо было. Павелъ не могъ жить безъ него и не дѣлалъ ни одного шага, не посовѣтовавшись заранѣе съ своимъ бывшимъ лакеемъ. Кутайсовъ управлялъ имперіей, и такіе люди, какъ Безбородко и Паленъ, ухаживали за нимъ и поклонялись ему.

Но все-таки ему этой власти было мало. Онъ чувствовалъ, что въ лицѣ Нелидовой и Маріи Федоровны ему можетъ быть положенъ противовѣсъ, онъ опасается ихъ вліянія въ особенности потому, что онѣ въ дружбѣ съ его противниками, братьями Куракиными. Безбородко, которому онъ особенно довѣрился, подстрекаетъ его устранить Нелидову и свести монарха съ новой, болѣе молодой и красивой любовницей. Любовницу они нашли.

Это была шестнадцатилѣтняя дѣвочка, нѣкая Лопухина, необыкновенно красивая и въ дѣлахъ любви не безъопытная дѣвица, несмотря на ея молодые годы. Отецъ этой дѣвочки по обычаямъ того времени продалъ свою дочь этимъ мерзавцамъ за предстоящія почести и вліяніе. — Лопухины жили въ Москвѣ.

Подъ маловажнымъ предлогомъ устраиваютъ поѣздку Царя въ Москву. Ему здѣсь устраивается великолѣнный пріемъ.

Павелъ очарованъ и высказываетъ свою особенную признательность Кутайсову.

„Да, мнѣ кажется, заключаетъ онъ въ восторгѣ, что народъ въ Москвѣ меня гораздо болѣе любитъ, чѣмъ Петербургскіе жители."

Хитрый Кутайсовъ подхватываетъ эту мысль и заявляетъ, что въ Петербургѣ потому его бо-

ятся, что все доброе приписываютъ его женѣ, а всѣ наказанія ему лично.

„Такъ я, значитъ, нахожусь подъ властію этихъ женщинъ?!“ воскликнулъ гнѣвно Павелъ: „такъ я имъ покажу, каково ихъ вліяніе!“ . . .

Слуга хорошо зналъ повелителя: дѣло устроено, теперь онъ открыто пойдетъ за всякой женщиной, каторую ему покажутъ, и отношенія Павла къ его женѣ и любовницѣ отравлены ядомъ подозрѣнія . . .

Вечеромъ того же дня былъ данъ придворный балъ. Здѣсь ему представлена Анна Петровна Лопухина. Наивная и кокетливая красавица произвела на Павла подобающее впечатлѣніе — сенаторъ Лопухинъ переселяется съ дочерью въ Петербургъ.

Вскорѣ приверженцы Нелидовой и императрицы почувствовали перемѣну положенія дѣлъ. Вицеканцлеръ, князь Куракинъ, отъ слишкомъ нѣжнаго обращенія съ нимъ Павла слегъ въ постель. Нелидовой онъ приказалъ оставить дворецъ, а жену свою, которая написала Лопухиной грубое письмо, онъ тоже отколотилъ и приказалъ ея смежную съ его покоями спальню забить наглухо и задрапировать.

Анна Лопухина оказалась вполнѣ достойной своего званія: въ первыя же ночи она довольно цинично стала просить Павла возвести ея отца въ графское достоинство.

„Почему?“

„А потому, что какъ то не подходитъ любовницѣ столь могущественнаго монарха быть простой дворянкой“.

„Ты права, замѣтилъ Павелъ. Итакъ, ты хочешь быть графиней? Отнынѣ ты княжна!“

На слѣдующій день былъ изданъ указъ о возведеніи сенатора Петра Лопухина въ княжеское достоинство — за услуги, оказанныя отечеству . . .

6.

Убійство Павла.

Павелъ былъ мастеръ въ навлеченіи себѣ ярыхъ враговъ. Во всѣхъ его мѣрахъ было одно единство: сдѣлать себя какъ можно ненавистнѣе для народа. Онъ былъ бичемъ своей семьи, своего двора, своего народа. Онъ велъ страну къ полному разстройству ея силъ, въ его царствованіе его капризы и припадочныя наитія являлись закономъ, онъ не взвѣшивалъ ни за, ни противъ, а все, что ему взбредило въ голову, немедленно приводилось въ исполненіе. При дворѣ кипѣла какая-то неимовѣрная суетливая дѣятельность, говоритъ Трачевскій: Павелъ назначилъ пріемы съ 5 ч. утра. Онъ писалъ и отмѣнялъ указы, распекалъ и ревизовалъ, ѣздилъ по городу, но больше всего занимался экзерциціями и плацпарадами по прусски, при чемъ вездѣ первенствовали „Гатчинцы", какъ называла Екатерина II отрядъ войскъ, данный ему для потѣхи, когда онъ былъ наслѣдникомъ.

Всюду Павелъ былъ окруженъ людьми, желавшими его смерти и чувствовавшими, что Россіей управляетъ умопомѣшанный. Войны одна за другой объявлялись, и истощенная Россія находилась въ страшномъ ужасѣ . . . Семья Павла страдала, его старшій сынъ уже началъ колебаться, подъ вліяніемъ совѣтовъ настоящихъ

патріотовъ. Русская интеллигенція чувствовала себя страшно угнетенной, авторитетъ власти давилъ всякаго болѣе или менѣе образованнаго человѣка и нарушалъ спокойствіе семействъ даже въ будничной жизни.

Пять лѣтъ правленія Павла сдѣлали Россію хронически нервной, состояніе сдѣлалось невыносимымъ и влекло неминуемо къ катастрофѣ.

И вотъ, лучшіе люди своего времени сговорились приступить къ заговору и заставить Павла отречься отъ престола въ пользу его сына Александра.

До чего Павелъ былъ всѣми безъ исключенія презираемъ, видно изъ того, что заговорщики открыли свой замыселъ его родному сыну и попросили его согласія . . .

Полгода уговаривали заговорщики Александра — наконецъ, они получили его согласіе и такъ какъ при подозрительности Павла колебаніе могло сдѣлаться опаснымъ для самихъ заговорщиковъ, то было рѣшено приступить какъ можно скорѣе къ дѣлу, и ночь на 25 Марта 1801 г. была назначена для нанесенія роковаго удара. —

Главными двигателями заговора были Паленъ и три брата гр. Зубовы. Въ лучшихъ рукахъ заговоръ не могъ быть. Гр. Зубовы руководились личной ненавистью къ Павлу. Валеріанъ Зубовъ чувствовалъ себя особенно задѣтымъ монархомъ, а именно: когда Екатерина скончалась, русскія войска подъ начальствомъ В. Зубова находились въ Пруссіи. Вступивъ на престолъ, Павелъ далъ приказъ войскамъ вернуться на родину, такъ какъ находилъ эту войну излишней, — но не извѣстилъ о своемъ приказѣ — главноначаль-

ствующаго Зубова. Этого оскорбленія Зубовъ не могъ забыть, — и оно является однимъ изъ главныхъ мотивовъ его столь ревностнаго участія въ заговорѣ.

Платона Зубова же Павелъ въ своей пылкости обвинилъ въ растратѣ государственныхъ денегъ изъ военныхъ суммъ, — и этого тоже было достаточно, чтобы породить неизгладимую ненависть въ душѣ заговорщика. Третьяго, Николая Зубова, Павелъ тоже не миловалъ, и онъ присоединился къ заговору, въ силу ненависти своихъ братьевъ къ Павлу.

Наконецъ, Паленъ былъ изворотливый, холодный, рѣшительный и вѣроломный лифляндецъ, хитростью вкравшійся въ довѣріе къ Павлу, который возвелъ его въ графское достоинство, сдѣлалъ Петербургскимъ губернаторомъ и главой почтамта.

До чего велика должна была быть въ народѣ ненависть къ Павлу, до чего Россія должна была чувствовать себя истощенной, если подобныя лица могли получить согласіе добродушнаго Александра на переворотъ и привлечь на свою сторону всю армію и лучшихъ людей своего времени! —

24 Марта ночью, офицеры, начиная поручикомъ и кончая генераломъ, собрались на квартирѣ у Зубовыхъ. За ужиномъ одинъ изъ Зубовыхъ раскрылъ планъ и цѣль сходки, и вмѣстѣ съ Паленомъ объявилъ, что В. К. Александръ покровительствуетъ заговорщикамъ. — Это послѣднее обстоятельство рѣшило дѣло заговора...

Шампанское текло ручьями, возбужденные и разгоряченные заговорщики ровно въ полночь отправились двумя партіями, — одна подъ командой Зубовыхъ и генерала Бенингсена,

другая подъ командою Палена — всего 120 человѣкъ — рѣшать судьбу царя. Цѣль была устранить монарха отъ дѣлъ. Зубовы шли на явное убійство . . .

Во дворцѣ между тѣмъ Павелъ и всѣ прочіе члены семьи улеглись спать, лишь Александръ не могъ сомкнуть глазъ: онъ былъ преисполненъ грусти и тревоги, и не могъ не скрыть отъ себя той опасности, которая угрожала всей семьѣ, если бы планъ почему либо не удался . . .

Главный же довѣренный и оберегатель личности Павла, Кутайсовъ, кутилъ въ эту ночь, и хотя за ужиномъ съ его любовницами подали доносъ съ полными именами заговорщиковъ, онъ по обыкновенію сказалъ: „дѣла завтра поспѣютъ“, спряталъ письмо въ карманъ и ни на минуту не отвлекся отъ своихъ развлеченій . . .

Незадолго предъ своей смертью подозрительный Павелъ построилъ себѣ съ безумной расточительностью Михайловскій дворецъ у Лѣтняго Сада, опоясанный глубокими рвами съ водой, и замыкался въ немъ, окруженный наперсниками, въ надеждѣ скрыться такимъ образомъ отъ рукъ убійцъ. Онъ поселился въ немъ, даже не пережидавъ времени, пока онъ высохнетъ. — Марія Федоровна и дѣти заболѣли отъ сырости, для него же этотъ новый дворецъ сталъ могилой. —

———

При помощи хорошихъ провожатыхъ первая партія пробрались съ потайными фонарями до самаго входа въ туалетную комнату Императора. Дежурный молодой лакей сталъ призывать на помощь, его прикончили и убрали съ дороги. Убійствомъ началось дѣло переворота . . .

Но крикъ разбудилъ Павла, онъ сознаетъ, что что-то неладно, и трусливо выскакиваетъ съ постели, хочетъ пробраться къ своей женѣ, — но входы по его же приказанію забиты на глухо; — совершенно раздѣтый онъ прячется подъ занавѣсами.

Заговорщики, сначала ошеломленные неожиданнымъ препятствіемъ въ лицѣ слуги, останавливаются на минуту, но потомъ сообразивъ, что идти назадъ для нихъ равносильно смерти, пробираются къ постели монарха. Не видя его здѣсь, они смущенно отступаютъ назадъ, начинаютъ его искать въ комнатѣ со свѣчами въ рукахъ и находятъ его безчувственно дрожащимъ за складками портьеры.

Павелъ оказался совершеннѣйшимъ трусомъ: ему суждено было такъ же безславно умереть, какъ онъ безславно царствовалъ.

Шпаги обнажаются, Павла усаживаютъ на стулъ, прочитываютъ ему заранѣе приготовленное отреченіе отъ престола, суютъ ему перо въ руку, ведутъ имъ по бумагѣ и царя Павла не стало — Генералъ Бенингсенъ, одинъ изъ главныхъ заговорщиковъ, беретъ подписанную бумагу и удаляется. —

Теперь настаетъ ужасная минута. Зубовы въ дѣлѣ отреченія не приняли никакого участія; это они предоставили другимъ. Лишенный трона, Павелъ для нихъ былъ тираномъ, чудовищемъ, личнымъ врагомъ. — Николай Зубовъ первый бросается на государя, ругая его самыми площадными выраженіями. Два другихъ брата присоединяются, и вотъ начинается ожесточенная борьба. Сначала они его бьютъ, какъ Павелъ

билъ своихъ министровъ и свою жену; затѣмъ они набрасываютъ на него офицерскій шарфъ и начинаютъ его душить. Въ минуту крайней опасности и близости смерти, Павелъ собираетъ всѣ свои послѣднія силы: ему удается просунуть руку между шарфомъ и шеей и онъ кричитъ: „воздуху, воздуху!" Но убійцы разъярены, они жаждутъ крови, Павлу отрубаютъ руку и начинаютъ стягивать шарфъ съ обоихъ концовъ. — Безобразная сцена, имѣющая едва ли себѣ подобную въ исторіи царствующихъ домовъ всего міра! —

Павла не стало. Раскраснѣвшійся Николай Зубовъ имѣетъ еще дерзость лично явиться къ Александру съ докладомъ о совершившемся дѣлѣ.

Въ намѣреніяхъ Александра не было и помину объ убійствѣ. Потрясенный и ужасенный, онъ падаетъ на земь . . .

Его восшествіе на престолъ совершилось необычайно тихо и скромно. Россія же обогатилась случаемъ, удалившимъ ее отъ Европы и приблизившимъ ее къ старымъ татарскимъ ордамъ . . .

Поступило въ продажу:

Марокъ

Амфитеатровъ, Алекс. Господа Обмановы . . 1.50

Знаменитый фельетонъ-памфлетъ, изъ за котораго газета „Россія“ закрыта навсегда, а Ал. Амфитеатровъ (old Gentleman) сосланъ на 12 лѣтъ въ Сибирь.

Горькій, М. Три разсказа (не пропущены русской цензурой) . . . . 1.—

Голосъ изъ русской арміи. Разоблаченія . . . 2.—

Ждановъ, Сергѣй. Три мѣсяца въ „одиночкѣ“ . 2.—

Сукенниковъ, М. Первый конгрессъ русскихъ студентовъ и студентокъ, учащихся заграницей . . 1.—

Спасовичъ, Вл. Семь судебныхъ рѣчей . . . . 5.—

Содержаніе: I. Дѣло о 193 лицахъ. — II. Дѣло Мровинскаго, Теглева и Фурсова — о подкопѣ подъ Малую Садовую улицу. — III. Дѣло Юрія Богдановича и Прибылевыхъ. — IV. Дѣло Вѣры Филипповой, Чемодановой и другихъ. — V. Дѣло о Варшавскомъ „Пролетаріатѣ“. — VI. Дѣло объ убійствѣ купчихи Боговской въ Псковѣ. — VII. Дѣло о Германѣ Лопатинѣ, Петрѣ Якубовичѣ и другихъ 19 лицахъ.

Бильбасовъ, В. А. Исторія Екатерины Второй. Томъ I . . . . 10.—

— — Томъ II . . . . 15.—

Изданіе, дополненное главами, не пропущенными русской цензурой.

Въ этомъ сочиненіи встрѣчаются многочисленные документы и разныя сообщенія изъ тайныхъ государствен-

Марокъ

ныхъ архивовъ, почему первое изданіе немедленно по своемъ появленіи въ свѣтъ было цензурой конфисковано и уничтожено. Этотъ трудъ крайне интересенъ для всякаго, желающаго основательно ознакомиться съ современной исторіей. Изложеніе труда прямо прекрасно и такъ занимательно, что всякій прочтетъ названную работу съ величайшимъ удовольствіемъ. Сочиненіе Бильбасова составляетъ „событіе" въ русской исторической литературѣ.

Флеровскій, Н. Н. Три политическія системы: Николай I, Александръ II и Александръ III . . 6.—

Народныя Русскія Легенды, собранныя Аѳанасьевымъ . . . . 10.—

Толстой, Л. Н. Война и разумъ . . . . —.60

— — Крейцерова соната 1.50

— — Въ чемъ моя вѣра . . . . 2.—

— — Исповѣдь. Вступленіе къ сочиненію „Въ чемъ моя вѣра" 1.50

— — Воскресеніе. Романъ въ трехъ частяхъ . . 5.—

Въ настоящее изданіе вошло все, что русской цензурой не пропущено.

Клейншмидтъ, Арт. Три столѣтія Русской исторіи. Обзоръ исторіи Россіи со времени восшествія на престолъ Романовыхъ до настоящаго времени (1598—1898). Съ двумя генеалогическими таблицами, одной таблицей портретовъ и картой (ходъ развитія Россіи) . . . . 9.—

Содержаніе: Предисловіе. — До Петра Великаго. — Петръ Великій. — Екатерина II. — Петръ II и Анна. — Два регентства въ теченіе одного года. — Послѣдніе Рома-

Марокъ

ковы. — Первый Готторпъ. — Екатерина II. — Павелъ. — Александръ I. — Николай I. — Александръ II. — Александръ III — Николай II.

Нюгольмъ, К. В.:

Положеніе Финляндіи въ Россійской Державѣ 2.50

Матеріалы по Финляндскому вопросу. Оффиціальные документы, реляціи, газетныя и журнальныя статьи и пр. 1.25

Мысли о современномъ положеніи Финляндіи . . . . —.80

Библіотека біографій выдающихся русскихъ революціонеровъ:

Вып. 1: **Варѳоломей Александровичъ Зайцевъ** . . . . 1.—

Карповичъ. Избіеніе русской молодежи . . . . 2.—

Сущность и значеніе **конституціи** графа **Лорисъ-Меликова** . . . . 1.—

Новые матеріалы по біографіи россійскихъ коронованныхъ особъ, составленные на основаніи заграничныхъ документовъ:

Томъ III. **Елизавета Петровна,** ея происхожденіе, интимная жизнь и правленіе . 2.—

„ IV. **Петръ III,** его дурачества, любовныя похожденія и кончина . . . . . 2.—

„ VII. **Екатерина II,** ея происхожденіе, интимная жизнь и политика . . . 2.—

Марок

Томъ VIII. **Павелъ I.** Его семейная жизнь, фавориты и убійство 2.-

„ XI. **Александръ II,** его личность, интимная жизнь и правленіе 2.-

„ XII. **Александръ III** 2.-

Бебель, А. Женщина настоящаго, прошедшаго и будущаго времени 3.-

Въ этой книгѣ знаменитаго автора обстоятельно **обсуждается женскій** вопросъ, имѣющій значеніе для **нормальнаго развитія** соціальнаго положенія общества. Авторъ **такъ умѣло написалъ** свою книгу, что она въ непродолжительномъ **времени** выдержала на нѣмецкомъ языкѣ **80 изданій.**

Продаются слѣдующія изданія.

Томъ I. *Петръ Великій,* интимные эпизоды изъ е жизни.

" II. *Екатерина I,* ея происхожденіе, правленіе интимная жизнь.

" III. *Елизавета Петровна,* ея любовныя похо денія.

" IV. *Петръ III,* его дурачества и любовныя п хожденія.

" V. *Дѣти Петра I и Екатерины:* Алексѣй, Анна.

" VI. *Петръ II и Анна Іоановна,* ихъ правлен

" VII. *Екатерина II,* ея происхожденіе и интим жизнь.

" VIII. *Павелъ I,* его семейная жизнь, фавориты убійство.

Далѣе, готовятся къ печати біографіи императоро Александра I, Николая I и Александра II.

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRA
STANFORD, CALIFORNIA 9430
(650) 723-1493
grncirc@stanford.edu
All books are subject to recall.
DATE DUE

